

УДК 94:811.111 «15/19»

*Л. В. Михайлова***ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОМИСИВА
В АГЛОЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ 16–20 ВВ.**

Данное исследование представляет собой комплексный анализ прагмасемантических характеристик речевого акта промисива в англоязычном дискурсе XVI–XX веков. В статье анализируется историческая динамика различных прагмасемантических характеристик речевого акта промисива, а также историческая вариативность его прагматических разновидностей.

Автор ставит перед собой задачу рассмотреть и проанализировать основные тенденции уменьшения или увеличения частотности той или иной прагмасемантической разновидности промисива.

Речевой акт промисива рассматривается как разновидность комисива. Речевой акт промисива представляет собой такой речевой акт, суть которого заключается в стремлении убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему. Иллокутивная цель данного речевого акта состоит в принесении говорящим искреннего обязательства выполнить или не выполнить какое-либо действие в пользу адресата.

В английском языке широко представлен промисивный синонимический ряд. Промисивные речевые акты подразделяют на эксплицитные и имплицитные. Перформативные формулы являются достаточно частотными среди эксплицитных речевых актов обещаний. К прагмасемантическим разновидностям промисива относят речевой акт уверения, речевой акт клятвы, речевой акт обязательства.

Обещание может реализовываться в различных типах прагматической ситуации.

С течением времени существенно варьируется набор и частотность перформативных глаголов, выражающих обещание. Многие из перформативных глаголов выходят из употребления.

Прагматические маркеры промисива одновременно являются маркерами той или иной исторической эпохи. Употребление многих маркеров промисива обусловлено экстралингвистическими факторами. С XVI по XX вв. наблюдается тенденция к постепенному снижению частотности употребления промисива в дискурсе. В XIX–XX вв. прослеживаем тенденции к увеличению частотности употребления промисива в англоязычном дискурсе.

Ключевые слова: прагмасемантика, речевой акт, промисив, интенция, ситуация коммуникации.

Михайлова Л. В. Прагмасемантичні аспекти промісива в англомовному дискурсі 16–20 ст.

Це дослідження є комплексним аналізом прагмасемантичних властивостей мовленнєвого акту промісива в англомовному дискурсі XVI–XX ст. У статті аналізується історична динаміка різноманітних прагмасемантичних характеристик мовленнєвого акту промісива, а також історична варіативність прагматичних різновидів промісива.

Автор має на меті розглянути та проаналізувати головні тенденції зменшення та зростання частотності вжитку того чи іншого різновиду.

Мовленнєвий акт промісива розглядається як різновид комісива. Мовленнєвий акт промісива є таким мовленнєвим актом, в основі якого є прагнення переконати співрозмовника у щирості своїх намірів по відношенню до нього. Ілокутивна мета цього мовленнєвого акту полягає у прийнятті комунікантом широкого зобов'язання виконати чи не виконати одну чи іншу дію на користь адресата.

В англійській мові широко представлений промісивний синонімічний ряд. Промісивні мовленнєві акти підрозділяються на експліцитні та імпліцитні. Перформативні формули є достатньо частотними серед експліцитних мовленнєвих актів обіцянки. К прагмасемантичним різновидам промісива відносять мовленнєвий акт запевнення, мовленнєвий акт клятви, мовленнєвий акт зобов'язання.

Мовленнєвий акт обіцянки може бути реалізований у різноманітних типах прагматичної ситуації. З часом суттєво змінюється набір та частотність перформативних дієслів, які передають обіцянку. Багато перформативних дієслів виходить із вжитку.

Прагматичні маркери промісива є одночасно маркерами однієї чи іншої історичної епохи. Вживання багатьох маркерів промісива обумовлено екстралінгвістичними факторами. З XVI-го по XX-го століття з'являється тенденція до зростання частотності вживання промісива в англомовному дискурсі.

Ключові слова: прагмасемантика, мовленнєвий акт, промісив, інтенція, ситуація комунікації.

Mykhailova L. Pragmasemantic aspects of promissive in the english-speaking discourse of the 16th-20th.

This research is a complex analysis of pragmasemantic characteristics of the speech act of promissive in the English speaking discourse of the 16th c. – 20th c.

Historical changes of different pragmasemantic varieties of the speech act of promissive are analyzed in this article as well as historical variations of pragmatic types of promissive. The author studies and analyzes the main tendencies of decreasing and increasing of the frequency of each pragmasemantic variety of the speech act of promissive.

The speech act of promissive is considered as a variety of commissive. The speech act of promissive is such a speech act whose aim is an attempt of the speaker to convince the person he is talking to in the sincerity of his intentions

The illocutive purpose of this speech act is the sincere wish of the speaker to do or not to do some action for the benefit of the speaker. Promissive synonyms are widely used in the English language. Promissive speech acts can be explicit and implicit. Performative formulas are rather frequent among explicit speech acts of promissive.

The speech act of assurance, the speech act of swearing, the speech act of commitment belong to pragmasemantic varieties of the promissive. Promissive speech acts can be realized in different types of pragmatic situations.

Within the time the number and frequency of performative verbs that express promise are varied. Many of the performative verbs become obsolete (are not used any more). The pragmatic markers of promissive are the markers of this or that historical period at the same time.

The usage of many promissive markers can be explained by extralinguistic factors. From the 16th.c to the 18th.c. there is a tendency for decreasing of the frequency of the usage of the speech act of promissive in the English-speaking discourse. And in the 19th.c – 20th.c there is a tendency of increasing of the frequency of the usage of the speech act of promissive.

Key words: pragmasemantics, speech act, promissive, intention, communicative situation.

Данная статья посвящена комплексному анализу речевого акта промисива (обещания) в англоязычном дискурсе 16–20 вв. Рассмотрена историческая вариативность прагмасемантических разновидностей промисива, Целью статьи является рассмотрение основных тенденций уменьшения или увеличения той или иной разновидности в зависимости от исторической эпохи.

Высказывания со значением обещания принадлежат к комиссивам, которые реализуются с целью возложить на адресата обязательство совершить некоторое действие в будущем или следовать определен-

ной линии поведения [4]. В нашем исследовании мы рассматриваем речевой акт промисива как разновидность комиссива

Речевой акт промисива представляет собой речевой акт, суть которого заключается в стремлении убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему.

В лингвистике выделение речевого акта обещания имеет неоднозначную трактовку. Основоположники теории речевых актов Дж. Остин и Дж. Серль относят речевой акт обещания к категории комиссивов. Их цель состоит в том, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения. Градация на подклассы и дает возможность выделить речевой акт обещания [6].

Речевые акты обещания – это класс речевых актов, иллюкутивная цель которых состоит в принятии говорящим искреннего обязательства выполнить или не выполнить какое-либо действие в пользу адресата. В семантике речевых актов обещания всегда присутствует два компонента:

1. Обязательство выполнить что-то в интересах адресата или по его просьбе (т.е. принятие обязательства).

2. Обещание позитивных последствий при исполнении взятого обязательства (т.е. положительная бенефактивность для адресата) [4].

Деление комиссивов на подклассы приводит к выделению собственно промисива. Существует несколько различных определений речевого акта промисива, которые выделили зарубежные и отечественные лингвисты. Данные толковых словарей русского и английского языков также позволяют раскрыть содержание понятия «промисив».

Толковые словари определяют это понятие через сочетание двух сем, а именно:

1. Обязательное выполнение или не выполнение того, что говорящий обязуется исполнить.

2. Стремление убедить адресата в искренности своих намерений по отношению к нему [1].

В промисивном речевом акте *I frankly promise that I will do it* информативная интенция представлена той частью высказывания, которую в терминах традиционной английской грамматики принято

называть дополнительным придаточным (*I will do it* – сообщение о факте), происходит эксплицирование персуазивного компонента при помощи приглагольного наречия *frankly*, в сущности здесь представлена перформативная формула вместо коммуникативного компонента общей речевой интенции обещания, которая состоит из местоимения в первом лице и глагола промисивного ряда (*I promise*). Глагол *to promise* является ядром класса промисивов,

Промиссивный синонимический ряд состоит из следующих глаголов: *assure, give one's word (of honour), pledge, swear, vow, take an oath, undertake, engage, commit oneself, guarantee or guaranty, warrant, cross one's heart (and hope to die)*.

В зависимости от ситуации общения и своей роли в данной ситуации говорящему для представления промисивного речевого акта нужно выбирать глагол с «подходящей» степенью промисивности.

1. *To swear* = *to promise* + эмоциональная окраска, т.е. степень промисивности глагола *to swear* больше, чем степень промисивности глагола *to promise*: PR *to swear* > PR *to promise* (PR = промисивность);

2. *To guarantee* = *to promise* + стилистический компонент (используется преимущественно в официально-деловом стиле, предполагающем большую степень объективности, а следовательно, и большую степень вероятности выполнения обязательства), т. е.: PR *to guarantee* > PR *to promise* [7].

Проводя анализ эксплицитных речевых актов обещания, было выявлено достаточно частое употребление перформативных формул.

Выделяются следующие виды промисивных речевых актов: промисивные речевые акты, осуществляющие все три компонента речевой интенции (акты с полной реализацией интенций или эксплицитные интенсифицированные речевые акты); промисивные речевые акты с осуществлением двух компонентов интенции; промисивные речевые акты с реализацией одного компонента интенции.

В качестве предполагаемого перлокутивного эффекта речевые акты обещания делятся на промисивные и менасивные (следовательно промиссивная манипулятивная тактика представляется собственно промиссивным и менасивным вариантами) [2].

Можно предположить, что следствием совершения речевых актов

обещаний может быть проявление каких-либо положительных чувств и эмоций со стороны того, кому непосредственно адресуется обещаемое продуцентом действие, а именно: радость, благодарность, чувство внутреннего удовлетворения и покоя и т.п. Однако положительные эмоции как перлокутивный эффект могут возникнуть у слушающего лишь в том случае, если обещаемое ему совершение какого-либо действия является для него желательным (подобные речевые акты являются собственно промисивными) [2].

В эксплицитных промисивных речевых актах действие, подразумеваемое как обещаемое, может выражаться с помощью инициатива, например: *I promise you to go there*. Экспликаторами (средствами, раскрывающими содержание интенции на языковом уровне) собственно коммуникативной промисивной интенцией становится перформативная формула (включающая иллокутивный глагол, прямо называющий интенцию говорящего), различные виды комментариев и английский модальный глагол «shall».

Таким образом выделяются следующие виды промисивных речевых актов:

1. Промисивные речевые акты с осуществлением всех трех компонентов речевой интенции (эксплицитные интенсификационные речевые акты или акты с полной реализацией интенций).

2. Промисивные речевые акты с осуществлением двух компонентов интенции.

3. Промисивные речевые акты с осуществлением одного компонента интенции.

Интенция обещания, кроме перформативных глаголов и комментариев, включает в себя исключительно характерное для неё лексическое средство экспликации данного намерения: модальный глагол «shall», который помимо функции вспомогательного глагола будущего времени имеет ещё и значение обещания, клятвы [3].

К прагмасемантическим разновидностям речевых актов промисивов относят речевые акты обещания и уверения. В современной лингвистике выделяют следующие прагмасемантические разновидности речевых актов промисивов:

1. Речевой акт обещания

2. Речевой акт уверения
3. Речевой акт клятвы
4. Речевой акт обязательства
5. Другие речевые акты (обета/зарока, ручательства/гарантии и присяги).

Перформативная формула речевого акта обещания: «*I promise you to do smth*». Перформативные глаголы обещания: *promise, give one's word, keep one's word, prophesy, bode, parole, troth, vouchsafe, boast* и *bet* [4].

Например, предложение «*I won't make flashy promises about solving all Britain's problems overnight. But I do promise you this*»

Перформативная формула речевого акта уверения: «*I assure you that*». Перформативные глаголы уверения: *assure, affirm, insure* и *secure*.

Например, предложение «*I can assure you that you won't be disappointed*» демонстрирует речевой акт уверения.

Обещание может реализовываться в различных типах прагматической ситуации:

1. Обещание как вспомогательный побудительный стимул к чему-либо.
2. Обещание как положительная ответная реакция на речевой или иной стимул.

Рассмотрение этих двух типов прагматической структуры ситуации обещания оказывается важным для выявления тактического и стратегического потенциала обещания.

В прагматической структуре ситуации обещания первого типа ситуация побуждения включает в себя речевой акт обещания совместно с некоторыми другими актами: просьбы, предложения или извинения [5].

Особенность прагматической структуры ситуации обещания второго типа заключается в том, что в этом случае обещание употребляется в дискурсе реагирования в ответ на такие речевые акты, как жалоба, утверждение, сообщение, просьба, приглашение, запрос, позволение, запрет, упрек, совет, приказ, заявление, предложение, предостережение, угроза.

Здесь обещание представляет собой положительную ответную реакцию на речевой или иной стимул, о чем свидетельствует благоприятный характер обещанного действия для адресата.

Во втором типе прагматической ситуации обещания инициатору беседы (он же адресат обещания) выгодно выполнение действия, к которому он побуждает собеседника, иначе бы ему не было смысла начинать разговор, кроме того, «благоприятность обещанного действия для адресата» является одним из существенных признаков ситуации обещания [5].

Вследствие изменений исторических реалий социума изменяется и его дискурс [2]. То есть особенности коммуникативного поведения личности зависят от коммуникативного сознания той лингвокультурной общности, к которой личность принадлежит.

В зависимости от исторической эпохи элементы дискурса организуются коммуникантами в соответствии с существующими в отдельный период нормами и требованиями построения коммуникации. Это и является непосредственной причиной диахронических отличий в структуре, лексическом наполнении, реализации речевого акта промисива в ту или иную историческую эпоху.

Существенно варьируется набор и частотность перформативных глаголов, выражающих обещание. Ряд глаголов – *parole, bode, vouchsafe, protest, covenant, verify, bail* – выходят из употребления в XVIII-XXI вв. Несколько глаголов – *troth, boast, warrant, plight* – используются крайне редко и могут быть отнесены к устаревающим формам. Глагол *guarantee*, наоборот, расширил сферу применения. Однако в целом система перформативных глаголов с семантикой обещания характеризуется утрачиванием многих элементов за сравнительно короткий промежуток времени – 5 веков, – и тенденция к оскудению семантики обещания сохраняется.

Прагматические маркеры промисива одновременно являются маркерами той или иной исторической эпохи. Так, маркеры *by Jove/ by Jupiter/ by the gods / my troth; I' faith!; 'Sdeath; I own* характерны для английского дискурса XVI-XVII вв. и являются вышедшими из употребления. Данные интенсификаторы иллюкутивной силы оперируют понятиями Бог/боги, вера, смерть, доверие. Подобные маркеры

обусловлены экстралингвистическими факторами исторической эпохи – таинство веры, набожность, Бог как верховный судья, перед которым мы предстанем после смерти.

Маркеры *by the light that shines; by this good light; let me not breathe if...; I will be burnt else; I'll be sworn; care dwell with me forever (if / when); I'll be bound (for it); so be it* принадлежат английскому дискурсу XVIII вв. Маркеры данной эпохи характеризуются экспрессивностью. Они включают понятия света как символа Рая, огня, проклятия, бед как символов ада, рока, которому человек не в силах противостоять. Данные маркеры тоже несут на себе осязаемый отпечаток религиозности, но, в отличие от маркеров дискурса более раннего периода, избегают прямой номинации.

Маркеры *I'll die; hang me if; I'll answer; I'm damned if...; I'll eat my hat / dirt/ shoes (if/ when); to be sure; of course; I'm quite in earnest; I tell you* входят в структуру речевых актов промисивов английского дискурса XIX–XXI вв. и являются обиходными. Они коренным образом отличаются по своей семантике от маркеров, описанных выше. Современные маркеры несут в себе элементы антропоцентризма, атеизма и божбы, что обусловлено общим стилем жизни современного общества, но и в них присутствуют такие базовые универсалии, как смерть, проклятье, наказание, честность, доверие и т.п.

Маркеры *by God / by gad / by Heaven(s)/ by the blessed Virgin / by God's death / God's eyes! / by word / by all that's honest; (upon / 'pon / on) my life / soul / honour / head / word / credit / hand (on it); (before/for/'fore) God / Gad / Heaven...; God knows; Heaven bear me witness; (it's as true) as that my name is.../ as I live / as I'm alive / as I stand here; ...believe me / it / this / him...; I believe...; ...depend on me / it / this / him* в равной степени встречаются на протяжении всех пяти изучаемых нами веков английского дискурса. Они апеллируют к вечным ценностям либо к неоспоримым истинам, которые являются константными от эпохи к эпохе: Бог, Рай, Пречистая Дева, жизнь, душа, честь, нерушимое слово, доверие и т. п.

На протяжении исследуемых пяти веков существует историческое варьирование прагмасемантических разновидностей речевых актов промисивов.

Речевой акт обещания с XVI по XVIII вв. имеет тенденцию к постепенному снижению частотности употребления в дискурсе. Однако XVIII в. является своеобразным поворотным моментом для частотности употребления речевого акта обещания, после чего встречается несколько чаще, чем в XVI–XVII вв. Объяснение подобного феномена кроется в экстралингвистических факторах. Постепенное снижение частотности употребления объясняется развитием к XVIII в. особой морали и нравственных стандартов светского общества, где не принято неприкрыто выражать чувства и эмоции, где эталоном поведения как вербального, так и невербального является этикет.

При анализе возрастания частотности обещаний в XIX–XXI вв. может показаться, что относительно современная эпоха является этапом наиболее искреннего и дружеского общения, однако это ложный вывод. Во-первых, количество обещаний возрастает за счет введения в дискурс множества клишированных форм, представляющих собой обещание только формально, но не являющихся таковым по своим прагматическим характеристикам.

Дискурс XVI–XVII вв. характеризуется значительно меньшим количеством уверений, чем XVIII–XX вв. Имеют место большое количество этикетных уверений, являющихся данью вежливости. Налицо ослабление иллюкутивной силы произносимых уверений.

Речевые акты клятвы на протяжении всего периода имеют тенденцию к значительному снижению частотности употребления в дискурсе. Возрастает число косвенно реализованных клятв в течение XVI–XXI вв., что закономерно ослабляет ведущую иллюкутивную силу клятвы.

Возрастает количество прецедентных клятв, пропорционально уменьшается количество клятв в неинституциональных ситуациях общения. Произнесение клятвы индицирует крайне эмоциональную ситуацию общения.

Речевой акт обязательства с XVI по XIX вв. имеет тенденцию к постепенному снижению частотности употребления в дискурсе. XX век является своеобразным пиком частотности употребления речевого акта обязательства, что объяснимо такими экстралингвистическими факторами.

тическими факторами, как функционирование современного английского дискурса в рамках негативной вежливости. Для современного общества является характерным вуалирование эмоций, минимизация вмешательства.

Речевой акт обета / зарока, ручательства / гарантии и присяги являются малочисленными прагмасемантическими разновидностями речевого акта промисива. Как и представители описанных выше классов, они имеют те же тенденции к уменьшению прямо реализованных речевых актов, к ослаблению иллокутивной силы и сокращению группы перформативных глаголов с данной семантикой [5, с. 60–64].

Промисивные речевые акты разделяются на: речевые акты, осуществляющие все три компонента речевой интенции (акты с полной реализацией интенций или эксплицитные интенсифицированные речевые акты); промисивные речевые акты с осуществлением двух компонентов интенции; промисивные речевые акты с реализацией одного компонента интенции. Данный вид речевого акта имеет следующие прагмасемантические разновидности: речевой акт обещания, речевой акт уверения, речевой акт клятвы, речевой акт обязательства, другие речевые акты (обета/зарока, ручательства/гарантии и присяги), каждый из которых имеет свои особенности. Несомненный интерес представляет всестороннее изучение прагмасемантических разновидностей данного речевого акта в современном англоязычном дискурсе.

Список литературы

1. Галлямова Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально- прагматический аспекты / Н.Ш. Галлямова // Язык и культура / Томск. гос. ун-т. – Томск, 2010. – №3. – С. 16-32.
2. Ерофеева Е.В. Прямые и косвенные способы выражения речевого акта обещания в современном французском и английском языках. / Е.В. Ерофеева, О.В.Гашева // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. – Челябинск, 2006. – № 6. – С. 128–132.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.

4. Колоколова Н.М. Речевой акт обещания как промисив: структурно-семантическая модель [Электронный ресурс] / Н. М. Колоколова. – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/38.html> (дата обращения: 10.09.2017). – Загл. с экрана.

5. Котовская С. С. Введение в лингвистическую прагматику [Электронный ресурс] : учеб. пособие / С. С. Котовская. – Минск : Изд-во БГУ, 2012. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/92223> (дата обращения: 10.09.2017). – Загл. с экрана.

6. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.

7. Частникова С.А. Развитие прагматической системы речевого акта промисива в англоязычном дискурсе 16-21 вв. / С.А. Частникова // Наук. пр. Чорномор. держ. ун-у ім. Петра Могили. Сер.: Філологія. Мовознавство. – 2011. – Вип. 136, т.148. – С.60–64.

References

1. Gallyamova N. Sh. Rechevoy akt «obeschanie, klyatva» v russkoy yazykovoy kartine mira: lingvokulturologicheskiy, funktsionalno-pragmaticheskiy aspekty [Speech act promise, swearing in the Russian discourse linguacultural functional, pragmatic aspects]. Yazyk i kultura – Language and Culture, 2010, no. 3, pp. 16–32.

2. Erofeeva E.V., Gasheva O. V. Pryamyie i kosvennyie sposobyi vyirazheniya rechevogo akta obeschaniya v sovremennom frantsuzskom i angliyskom yazyikah [Direct and indirect ways of expressing the speech act of promise in modern French and English]. Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta – The volume of South-Uralskogo State University. 2006, no. 6, pp. 128–132.

3. Karasik V. I. Yazyk sotsialnogo statusa [The Language of social status.]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 333 p.

4. Kolokolova N. M. Rechevoy akt obeschaniya kak promisiv: strukturno-semanticheskaya model [The Speech act of promising as promissive structural and semantic model]. Avialable at:<http://www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/38.html> (Accessed: 10 September 2017).

5. Kotovskaya S. S. Vvedenie v lingvisticheskuyu pragmatiku : uchebnoe posobie [Linguistic Pragmatics the textbook]. – Minsk : BGU Publ., 2012. – Avialable at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/92223> (Accessed: 10 September 2017).

6. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida. Semantika narrativa [Semantic reseaches Semantics of Voice and Tense. Semantics of Narrative]. Moscow, Yaziki russkoj kulturi Publ., 1996. 464 p.

7. Chastnikova S. A. Razvitie pragmaticheskoy sistemyi rechevogo akta promisiva v angloyazyichnom diskurse 16-21 vv. [The development of pragmatic system of the speech act of promissive in English-speaking discouse 16-20 c.]. Naukovi pratsi Chornomorskogo derzhavnogo universitetu imeni Petra Mogili. Serija: Filologiya. Modoznavstvo. – The Scientific works of Kholodnogorsky State University of Petr Mogila., 2011. Vol. 136, t. 148, pp.60–64.

8. Chastnikova S. A. Razvitie pragmaticheskoy sistemyi rechevogo akta promisiva v angloyazyichnom diskurse 16-21 vv. [The development of pragmatic system of the speech act of promissive in English-speaking discouse 16-20 c.]. Naukovi pratsi Chornomorskogo derzhavnogo universitetu imeni Petra Mogili. Serija: Filologiya. Modoznavstvo. – The Scientific works of Kholodnogorsky State University of Petr Mogila., 2011. Vol. 136, t. 148, pp.60–64.